

8.3. Смарт-контракт: понятие, правовое регулирование, аспекты защиты прав потребителей

DOI: 10.33693/2072-3164-2021-14-4-236-247

©Ермакова Ирина Викторовна
ООО «Редль и партнеры», г.Москва, Россия
irina-ermakova@yandex.ru

Аннотация

Предметом исследования являются правовые нормы, направленные на регулирование отношений в сфере заключения и исполнения смарт-контрактов, включая вопросы защиты прав сторон таких контрактов, в том числе, потребителей. В качестве объекта исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе создания, заключения и исполнения смарт-контрактов. Особое внимание в статье уделено теоретическим и практическим аспектам определения понятия «смарт-контракт» и его сущности, а также правового статуса смарт-контракта. Кроме того, рассмотрены подходы к определению сущности институтов, которые тесно связаны с категорией «смарт-контракт», таких как «криптовалюта», «цифровой рубль», «майнинг». Также проанализированы аспекты защиты основополагающих прав сторон, участвующих в рассматриваемых правоотношениях, включая потребителей. Приводятся примеры из судебной практики по рассмотрению соответствующей категории дел. Новизна исследования заключается в определении действующих подходов применительно к сущности, понятию и правовому статусу смарт-контрактов, включая актуальную позицию правоприменительной практики во взаимосвязи с указанным вопросом. Кроме этого, новизна исследования заключается в рассмотрении практических аспектов заключения и исполнения смарт-контрактов, в том числе, с указанием примеров блокчейн-платформ, на основе которых могут функционировать смарт-контракты. Проведение исследования привело к выработке автором предложений по совершенствованию соответствующих норм законодательства. В частности, автором предложено закрепить на законодательном уровне легальное определение понятия «смарт-контракт», с указанием соответствующей формулировки.

Ключевые слова: сетевая экономика, блокчейн, смарт-контракт, потребитель, цифровой рубль, криптовалюта, майнинг, интеллектуальная собственность.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00154 А.

Для цитирования: Ермакова И.В. Смарт-контракт: понятие, правовое регулирование, аспекты защиты прав потребителей // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. №4. С. 236-247. DOI: 10.33693/2072-3164-2021-14-4-236-247

Smart Contract: Concept, Legal Regulation, Aspects of Consumer Protection

DOI: 10.33693/2072-3164-2021-14-4-236-247

©Ermakova Irina Viktorovna
LLC "Roedl & Partner", Moscow, Russia
irina-ermakova@yandex.ru

Abstract

The subject of the research is legal norms aimed at regulating by law relations in the field of concluding and executing smart contracts, including issues of protecting the rights of the parties to such contracts, including consumers. The object of the research is social relations arising in the process of creating, concluding and executing of smart contracts. Particular attention is paid to the theoretical and practical aspects of the definition of the concept of "smart contract" and its essence, as well as its legal status. In addition, the article considers approaches to defining the essence of institutions that are closely related to the category of "smart contract", such as "cryptocurrency", "digital ruble", "mining". The aspects of the protection of fundamental rights of the parties involved in the considered legal relationship, including consumers, are also analyzed. Examples of court decisions regarding the corresponding category of cases are given. The novelty of the research lies in determining the current approaches in relation to the essence, concept and legal status of smart contracts, including the current position of law enforcement practice in relation to this issue. In addition, the novelty of the study lies in considering the practical aspects of the conclusion and execution of smart contracts, including, indicating examples of blockchain platforms on the basis of which smart contracts can function. Ultimately, the study led to the development by the author of some proposals in order to improve the relevant legislation. In particular, the author proposed to consolidate at the legislative level the legal definition of the concept of "smart contract", indicating the appropriate wording.

Keywords: network economy, blockchain, smart contract, consumer, digital ruble, cryptocurrency, mining, intellectual property

Acknowledgements: Funding. The reported study was funded by RFBR according to the research project no 20-011-00154 A.

For citation: Ermakova I.V. Smart Contract: Concept, Legal Regulation, Aspects of Consumer Protection // Gaps in Russian legislation. 2021. Vol. 14. №4. Pp. 236-247. (in Russ.). DOI: 10.33693/2072-3164-2021-14-4-236-247

Введение

Для эпохи бурного развития сетевизации характерно наличие многообразных цифровых технологий, в том числе и инновационных. Указанные технологии существенным образом положительно влияют на развитие предпринимательской деятельности и экономики в целом.

Одно из знаменательных событий в рассматриваемом контексте - возникновение блокчейн-платформ и возможности заключения на их основе так называемых «умных» договоров или смарт-контрактов [1. С. 95–105].

К несомненным достоинствам функционирования блокчейн-платформ и смарт-контрактов относятся такие плюсы как возможность совершать сделки без посредничества третьих лиц, высокая степень защиты данных, автоматизация исполнения договора, упрощение и ускорение процедур, которые необходимо совершить для выполнения сторонами договора своих обязательств, например, оплаты товара и т.д.

Вместе с тем, несмотря на многочисленные преимущества смарт-контрактов по сравнению с договорами в классическом понимании, и объявленные в стране меры¹ по разработке и внедрению соответствующих информационных технологий и ресурсов для возможности применения смарт-контрактов на практике, зачастую их заключение и исполнение порождает множество проблем и споров, которые связаны, в том числе, с вопросами защиты прав и интересов сторон.

В частности, трудности возникают по причине того, что действующим законодательством до настоящего времени не урегулированы многие основополагающие вопросы, в том числе, связанные с определением таких базовых понятий как «смарт-контракт», «криптовалюта», «майнинг», «блокчейн» и т.д., и правовой природы указанных категорий.

В то же время популярность использования блокчейн-платформ и смарт-контрактов в условиях развития сетевой экономики неуклонно растет.

Эти обстоятельства и факторы предопределяет актуальность исследования смарт-контрактов с позиции изучения подходов к определению самого этого термина и связанных с ним терминов «майнинг» и «криптовалюта» в контексте их правового регулирования и некоторых аспектов защиты прав потребителей и иных заключивших смарт-контракт лиц.

Обратимся к исследованию понятия и характерных признаков смарт-контрактов.

1. Понятие и характерные признаки смарт-контрактов

Идея определения сущности смарт-контракта принадлежит Нику Сабо. Еще в 1994 г. он охарактеризовал смарт-контракт как компьютерный протокол, который самостоятельно совершает сделки, и осуществляет контроль за их исполнением посредством определенных математических способов [2].

Несмотря на то, что возможность применения смарт-контрактов существует уже давно, единого термина в отношении рассматриваемого процесса (процедуры, механизма) до сих пор не существует.

Наиболее распространенным является употребление словосочетания «смарт-контракт». Иногда встречаются и иные обозначения, например, «умный контракт» или «быстрая сделка» [3. С. 23—30; 4. С. 2-8; 5. С. 32-60].

Термин «смарт-контракт» начинается появляться в отдельных нормативных правовых актах России (напр., в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 30.09.2018 № 2101-р «Об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года» и др.) [6. С. 118-147].

Также закреплена возможность исполнения сделки посредством применения определенных информационных технологий. Например, она прямо предусмотрена ст. 309 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ), соответствующие изменения в которую были внесены Федеральным законом от 18.03.2019 г.³

В частности, согласно абз. 2 ст. 309 ГК РФ условиями сделки может быть предусмотрено, что ее исполнение происходит после наступления определенных обстоятельств путем применения информационных технологий.

Соответствующие формулировки можно встретить и в документах Банка России. Так, например, в докладе «Концепция цифрового рубля» [7] указано, что смарт-контракт - это сделка, исполняемая автоматически при наступлении заранее определенных сторонами условий.

В другом докладе Банка России – «Цифровой рубль» [8] - смарт-контракт определен как цифровой контракт, предусматривающий автоматизацию исполнения, контроля и учета юридически значимых действий и событий в рамках ИТ-систем.

Среди ученых единого мнения в контексте рассматриваемого вопроса нет.

Например, согласно определению, данному Савельевым А.И., смарт-контракт - это договор, который существует в форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн, для которого характерны автономность и самоисполнимость его условий,

¹ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра» // СПС «Консультант Плюс»; Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021 - 2030 годы)» // СЗ РФ, 18.01.2021, № 3, ст. 609; Постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // СЗ РФ, 02.11.2020, № 44, ст. 7003.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.

³ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 60, 20.03.2019.

после наступления заранее определенных в нем обстоятельств [9. С. 94-117].

Волос А.А. характеризует смарт-контракт как договор, условия которого запрограммированы в программном коде и который автоматически приводится в исполнение посредством технологии блокчейн [10. С. 5-7].

По мнению Белых В.С. и Болобонова М.О., смарт-контракт следует рассматривать также и с технологической точки зрения в качестве компьютерной программы, размещенной на определенном адресе в системе блокчейн, которая содержит заранее определенные условия для исполнения [11. С. 45].

В контексте приведенных определений мы считаем, что для понимания сущности смарт-контрактов следует обратить внимание на разъяснения американской организации «The Chamber of Digital Commerce», которая занимается исследованием применения цифровых активов и технологий на основе платформы блокчейн. В одном из работ этой организации говорится о двух возможных вариантах построения смарт-контрактов:

1. Стороны заключают обычный договор, а исполнение согласованных условий происходит в автоматическом режиме посредством специального кода (смарт-контракта). В этом случае речь идет об оформлении смарт-контракта по т.н. «внешней модели».

2. Автоматизированный код (смарт-контракт) заменяет собой обычный договор. В данном случае следует говорить о построении смарт-контракта по т.н. «внутренней модели» [12].

Исходя из этого, мы считаем, что при определении сущности смарт-контракта и его правовой природы следует руководствоваться тем, какая из вышеуказанных моделей легла в основу его оформления.

Если рассматривать буквальное толкование нормы абз. 2 ст. 309 ГК РФ, содержание которого было приведено выше, можно сделать вывод о том, что отечественный законодатель исходит из возможности построения смарт-контракта как по внешней, так и по внутренней модели.

Обосновать данный вывод можно тем, что норма абз. 2 ст. 309 ГК РФ позволяет, с одной стороны, закрепить в договоре положение о том, что исполнение условий договора возможно путем применения тех или иных информационных технологий. Это возможно, например, при оформлении договора в классической письменной форме, в котором предусмотрено соответствующее условие о возможности произвести оплату посредством программного кода (смарт-контракта).

С другой стороны, из положений абз. 2 ч. 1 ст. 160 ГК РФ следует, что письменная форма сделки считается соблюденной, в том числе, в случае ее совершения с помощью тех или иных технических средств, включая электронные средства. При этом должны быть выполнены условия о наличии возможности воспроизведения содержания сделки на том или ином материальном носителе, а также идентификации лица - стороны сделки и выражения его волеизъявления на совершение сделки. Это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что требование о наличии подписи в этом случае считается выполненным.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что российский законодатель исходил из того, что смарт-контракт может быть построен также и по внутренней

модели, когда он заменяет собой классический договор в письменном виде.

Нужно сказать, что и в ст. 2 проекта Федерального закона «О цифровых финансовых активах»⁴ смарт-контракт был определен как договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств.

Однако в дальнейшем указанный законопроект был подвергнут существенной доработке. В частности, из его текста было исключено приведенное выше определение термина «смарт-контракт», поскольку, по мнению экспертов, указанное понятие представляло из себя наиболее спорную категорию⁵.

В конечном итоге принятый Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ легального определения термина «смарт-контракт» не содержит.

К типичным признакам смарт-контракта относят следующие его характеристики:

1) сущность смарт-контракта, которая предполагает его оформление в электронной среде и в электронном виде;

2) использование для формулировки условий смарт-контракта языка программирования, за счет чего смарт-контракту становится присуща высокая степень определенности;

3) возможность исполнения условий смарт-контракта только после наступления определенных обстоятельств, которая придает такому договору условный характер;

4) самоисполнимость: для исполнения смарт-контракта участия третьего лица не требуется, благодаря современным информационным технологиям система может самостоятельно определить наступление соответствующих условий и внести в базу данных блокчейн соответствующую запись, например, об изменении владельца того или иного актива;

5) приведение смарт-контракта в исполнение посредством платформы блокчейн [5. С. 32-60].

Одним из самых дискуссионных является вопрос о правовой природе смарт-контракта. Рассмотрим его.

2. Правовая природа смарт-контрактов

Наибольшее количество споров порождает вопрос о том, относится ли смарт-контракт к разновидности обычного договора, или он представляет из себя лишь программный код либо определенный компьютерный алгоритм.

⁴ Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 22.07.2021), а также СПС «Консультант Плюс».

⁵ См.: Экспертное заключение по проекту федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 29.11.2018 N 182-3/2018) // СПС «Консультант Плюс».

⁶ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 173, 06.08.2020.

Например, уже упомянутый Савельев А.И. рассматривает смарт-контракт как разновидность обычного классического договора по смыслу ч. 1 ст. 420 ГК РФ. Его аргументация сводится к тому, что, во-первых, при заключении смарт-контракта происходит перемещение определенных ценностей от одной стороны к другой, что является типичной ситуацией для заключения договора в классическом понимании. Во-вторых, для заключения смарт-контракта, как и для заключения обычного договора обязательно необходимо волеизъявление того или иного лица. Воля может быть выражена, например, тем, что данное лицо произвело определенное распоряжение, подписав его своей электронной подписью.

При этом, по мнению А.И. Савельева, в основе заключения смарт-контракта лежит модель заключения договора присоединения. Аргументация состоит в том, что сторона, которая создает программный код, задает условия смарт-контракта, а другие лица присоединяются к условиям такого договора. В-третьих, после заключения смарт-контракта сторона связана условиями возникшего договора, что также является типичным для ситуации заключения обычного договора [5. С. 32-60].

Некоторые другие исследователи [13. С. 9; 14. С. 180-189] также полагают, что смарт-контракт может представлять из себя самостоятельный договор в классическом понимании.

Противоположное мнение заключается в том, что смарт-контракт следует рассматривать исключительно как программный код. Так, например, Л.А. Новоселова рассматривает смарт-контракт только с технической стороны и указывает на то, что он представляет из себя разновидность кодировки или инструмента, посредством которого функционирует платформа блокчейн. Оформление условий смарт-контракта, по мнению Новоселовой Л.А., создаются посредством языка программирования, что, по мнению указанного исследователя, не позволяет отождествлять смарт-контракт с обычным договором [15. С. 29-44].

Л.Г. Ефимова и О.Б. Сиземова также определяют смарт-контракт как компьютерную программу (или компьютерный код), которая функционирует только на основе платформы блокчейн и при помощи которой возможно заключение, исполнение и прекращение различных договоров после наступления заранее определенных условий [16. С. 23-30]. При этом они рассматривают смарт-контракт как один из способов обеспечения обязательств, поскольку автоматическое исполнение договора не может быть изменено или отменено.

Точку зрения о том, что смарт-контракт не может быть признан гражданско-правовым договором, а представляет из себя лишь программный код, разделяют и другие ученые [17. С. 91-135; 18].

Следует указать и еще одно мнение, лежащее как бы между двумя предыдущими, согласно которому смарт-контракт является особой разновидностью электронного гражданско-правового договора любого типа, для которого характерны следующие признаки: 1) он существует в форме компьютерной программы; 2) существенные условия такого договора зафиксированы посредством компьютерного алгоритма; 3) заключение и исполнение смарт-контракта происходят на платформе блокчейн [19. С. 78-105].

По нашему мнению, следует согласиться как с точкой зрения о том, что смарт-контракт следует рассматривать в качестве разновидности гражданско-правового договора, оформлении которого возможно посредством определенных компьютерных технологий и заключение и исполнение которого происходит на той или иной блокчейн-платформе, так и с точкой зрения о том, что смарт-контракт представляет из себя только программный код для автоматизированного исполнения договора в классическом понимании.

Каким образом трактовать понятие «смарт-контракт» – в контексте его отождествления с договором или только лишь с программным кодом, зависит, по нашему мнению, от конкретной ситуации: если стороны заключили договор в виде смарт-контракта полностью на языке программирования, то тогда смарт-контракт следует рассматривать как разновидность договора.

Если же для автоматизированного исполнения договора, заключенного в классическом виде, стороны используют определенный компьютерный алгоритм (код), то в этом случае смарт-контракт следует рассматривать как программный код.

Подробнее о возможных алгоритмах оформления смарт-контрактов речь идет в следующем пункте исследования.

В обоснование высказанного мнения о том, что смарт-контракт может представлять из себя разновидность гражданско-правового договора возможно привести следующие аргументы.

Во-первых, договором согласно ч. 1 ст. 420 ГК РФ признается соглашение двух или более лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Указанный набор характеристик применим и для случаев оформления смарт-контракта, когда он заключается как самостоятельный договор. Так, стороны обговаривают те или иные необходимые им условия, приходят к единому соглашению и заключают соответствующий договор, но не в виде изложения его на бумаге, а в виде смарт-контракта, который подлежит оформлению при помощи специальных компьютерных технологий.

Кроме того, возможность заключения договора в виде смарт-контракта прямо предусмотрена ч. 2 ст. 309 ГК РФ, содержание которой раскрывалось выше.

Во-вторых, из содержания нормы ч. 2 ст. 420 ГК РФ следует, что к договорам применяются также и правила о сделках. В свою очередь, любая сделка представляет из себя волевой акт. В случае заключения договора речь идет о едином волеизъявлении сторон, выражающего их общую волю [20. С. 78].

Все вышеперечисленные критерии касательно волеизъявления также применимы в случае оформления договора в виде смарт-контракта. Поскольку не будет его оформления в том случае, если нет воли сторон на это.

Наконец, в третьих, использование термина «смарт-контракт» или «умный контракт» само по себе позволяет говорить о том, что речь идет о договоре. Поскольку слова «договор» и «контракт» являются синонимами.

Так, согласно определению, данному в Большом толковом словаре, контракт – это письменный договор или соглашение со взаимными обязательствами [21].

В свою очередь, термин «контракт» не является синонимом к таким понятиям как «код», «программный код», «компьютерный алгоритм» и т.д. – в контексте

рассмотрения смарт-контракта в качестве программного кода, который в автоматическом режиме лишь приводит договор в исполнение.

На основании вышеизложенного, мы считаем, что во избежание смешения понятий термин «смарт-контракт» следует употреблять лишь тогда, когда смарт-контракт представляет из себя разновидность договора.

В том случае, если смарт-контракт является лишь программным кодом для автоматизированного исполнения договора, необходимо использовать другой соответствующий термин – например, «компьютерный код» или «программный код», функционирующий на основе блокчейн-платформы.

Далее интересным представляется процесс создания и исполнения смарт-контракта. Рассмотрим его.

3. Алгоритм создания смарт-контрактов

Алгоритм создания смарт-контрактов вкратце можно описать по следующей схеме.

Первоначально стороны согласовывают и закрепляют условия смарт-контракта, а также подписывают его усиленной (квалифицированной либо неквалифицированной) электронной подписью в соответствии с ФЗ «Об электронной подписи»⁷.

Поскольку условия смарт-контракта формируются при помощи специальных информационных технологий, самостоятельно юрист не может перевести то или иное соглашение в классическом виде в смарт-контракт.

Для создания смарт-контракта необходимо привлечение соответствующего специалиста в области техники и последующее его взаимодействие с юристом.

Возможен также вариант, при котором стороны сначала обсуждают условия смарт-контракта в той или иной блокчейн-системе, а затем применяют функцию его изготовления, после чего специалист переводит полученные условия в форму смарт-контракта.

В этом случае система блокчейн уже содержит встроенный алгоритм, который был заранее прописан под различные типовые формы сделок, сторонам необходимо лишь выбрать тот или иной шаблон.

Существует три варианта оформления смарт-контракта [22]:

1) составление смарт-контракта полностью на языке программирования. В этом случае стороны сначала обсуждают условия сделки, а технический специалист посредством языка программирования составляет смарт-контракт;

2) составление наряду со смарт-контрактом обычного договора, который дублирует условия смарт-контракта;

3) закрепление части условий договора в классическом виде, а части – в программном коде (комбинированная модель).

Далее происходит подключение смарт-контракта к внутренним системам (напр., банковским, иным – в зависимости от сферы применения смарт-контракта), а также внешним системам – оракулам.

Следующий шаг состоит в отслеживании смарт-контрактом условий, которые должны быть выполнены сторонами сделки для того, чтобы она состоялась.

Наконец, последний шаг – самоисполнение смарт-контракта, при условии, что все требования и условия сторонами были выполнены [22].

Что касается сферы применения смарт-контрактов, то область их возможного использования чрезвычайно широка.

4. Сфера применения смарт-контрактов

Смарт-контракты могут заключаться и исполняться в сфере финансовых сервисов, кредитных обязательств, строительства, управления доставкой и хранением товаров. В качестве примера можно указать сеть магазинов «Дикси», которая осуществляет взаимодействие со своими поставщиками посредством платформы блокчейн и смарт-контрактов [23].

Широко применение смарт-контрактов также и в сфере оборота объектов интеллектуальной собственности. В данном контексте следует упомянуть цифровую блокчейн-платформу *IPEX* [24. С. 14-32], она является масштабной профессиональной площадкой для осуществления сделок любой сложности с объектами интеллектуальной собственности и позволяет создателям и пользователям объектами интеллектуальной собственности «найти друг друга» и взаимодействовать напрямую. Так, при помощи платформы *IPEX* можно, например, монетизировать свой объект интеллектуальной собственности. Для этого после регистрации в системе необходимо выбрать опцию «продать», а затем перейти в раздел «ОИС» и загрузить на платформу свое произведение, указав при этом как можно больше данных об объекте интеллектуальной собственности. Как только объект окажется на общедоступной витрине сервиса и найдет своих покупателей, обладатель получает уведомление о поступлении денежных средств на свой счет. Если же лицо желает приобрести объект интеллектуальной собственности, то на главном экране необходимо выбрать опцию «купить». В разделе «биржа» будет доступен функциональный и расширенный поиск о различных объектах интеллектуальной собственности. Далее следует согласовать с продавцом условия сделки, после этого возможно осуществить покупку. Сразу после заключения сделки платформа *IPEX* иницирует запись о ней в сети другой блокчейн-платформы *IPChain*, сформировав две дополнительные транзакции.

Отдельно, по нашему мнению, стоит рассмотреть вопрос о возможности функционирования смарт-контрактов на базе платформы цифрового рубля, которую планирует ввести в действие Банк России. Отмечается [8], что это позволит сделать платежи быстрее, проще и безопаснее. Также это создаст дополнительные возможности для внедрения инноваций в различные сферы [29. С. 64-72; 30. Р. 799-812] и, кроме того, станет стимулом для дальнейшего развития сетевизации.

5. Функционирование смарт-контрактов на базе платформы цифрового рубля

Цифровой рубль – это новая форма денег, которой смогут пользоваться как физические, так и юридические лица через банки, в которых у данных лиц открыты счета. Планируется, что цифровой рубль будет эмитироваться Банком России и храниться на электронных кошельках Банка России. Он будет сочетать в

⁷ Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Российская газета, № 75, 08.04.2011.

себе свойства как наличных, так и безналичных рублей. Выступая в качестве средства безналичного платежа, цифровой рубль позволит совершать дистанционные платежи и расчеты онлайн. В качестве наличных денежных средств его будет возможно использовать и в офф-лайн режиме, то есть в отсутствие доступа к Интернету. Ресурсы цифрового кошелька будут возможно получить из любого мобильного приложения того или иного банка, в котором обслуживается клиент. Платформа цифрового рубля, на которой будет происходить его эмиссия и открытие кошельков, будет иметь гибридную модель, - частично состоять из компонентов централизованной системы, а частично – из системы распределенных реестров [25].

Для применения на базе платформы цифрового рубля смарт-контрактов предварительно они будут создаваться банками и верифицироваться Банком России, а клиенты получат возможность самостоятельного пользоваться создаваемыми таким образом смарт-контрактами, которые будут содержать, в т.ч. информацию о сторонах сделки, сумме и условиях ее исполнения. После подписания смарт-контракта будет производиться его регистрация на платформе цифрового рубля.

В качестве примера можно привести схему заключения смарт-контракта во исполнение заключенного договора поставки.

Так, первым шагом продавец и покупатель заключают договор поставки товара, который содержит условие оплаты по договору в цифровых рублях после фактической поставки товара. Затем продавец через мобильное приложение банка создает смарт-контракт для исполнения заключенного договора поставки. После этого стороны подписывают смарт-контракт. Следующим шагом платформа цифрового рубля регистрирует смарт-контракт и осуществляет контроль исполнения договора, в том числе путем взаимодействия с внешними источниками – оракулами. После того, как поставка совершена, указанный внешний источник уведомляет об этом платформу цифрового рубля, затем платформа автоматически переводит средства продавцу [7].

Несмотря на обширный перечень достоинств заключения и использования смарт-контрактов, недостатком являются сложности, которые возникают в процессе защиты прав граждан, в том числе, граждан, относящихся к категории «потребитель» в соответствии с нормами Закона РФ «О защите прав потребителей»⁸.

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

6. Защита прав потребителей при заключении и исполнении смарт-контрактов

6.1. Аспекты защиты прав потребителей, связанные с использованием криптовалюты.

Типичной является ситуация, когда смарт-контракт связан с таким понятием как «криптовалюта», которая может выступать как предметом смарт-контракта, будучи цифровым активом, так и средством платежа по контракту.

В рассматриваемом контексте важность представляет подход правоприменительной практики к вопросу о

правовом статусе криптовалюты, поскольку законодательство прямого определения именно термина «криптовалюта» не содержит, не содержится также и прямых разъяснений об определении ее статуса.

Так, Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/18 по делу № А74-11791/2015⁹, суд признал криптовалюту «имуществом», отнес ее к «иному имуществу» на основании того, что поскольку в гражданском законодательстве отсутствует закрытый перечень объектов гражданских прав, современные реалии позволяют широко толковать понятие «иное имущество» (ст. 128 Гражданского кодекса) [26; 27. С. 1-28].

Напротив, в Постановлениях¹⁰ Арбитражного суда Московского округа от 03.06.2020 № Ф05-7176/2020 по делу № А40-164942/2019 и Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.10.2020 № Ф04-4074/2020 по делу № А45-28956/2019 отмечалось, что в настоящее время легального определения понятия «криптовалюта» действующее законодательство не содержит, не установлены также и специальные требования к порядку ее обращения, правовой статус криптовалют не определен, в связи с этим не представляется возможным урегулировать правоотношения, связанные с указанным цифровым активом. Такие решения приняты, как можно заключить, в парадигме судов, согласно которой осуществление операций с использованием криптовалюты как физическими лицами, так и юридическими, законодательством РФ в полной мере не урегулировано. Однако этот подход оставлял интересы лиц, которые заключают смарт-контракты, незащищенными.

Эта ситуация, как представляется, сможет быть исправлена правоприменением, поскольку Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹ (далее – Закон о ЦФА), регулирующий «...отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации.» (ч. 1 ст. 1 Закона о ЦФА), определил цифровую валюту (т.е. криптовалюту – *авт.*) как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются или могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ, денежной единицей иностранного государства или международной денежной или расчетной единицей, или в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора или узлов информационной системы, обязанных обеспечивать только соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую инфор-

⁹ См. по адресу <http://base.garant.ru/61623374/> (дата обращения: 17.05.2021)

¹⁰ См.: СПС «Консультант Плюс».

¹¹ СЗ РФ от 3 августа 2020 г. № 31 (часть I) ст. 5018.

мационную систему по ее правилам (п. 3 ст. 1 Закона о ЦФА).

Интересно, что суды¹² и до принятия Закона о ЦФА расценивали криптовалюту как определенный набор символов и знаков, который содержится в информационной системе, доступ к которой осуществляется с помощью информационно-телекоммуникационной сети с использованием специального программного обеспечения и который представляет из себя виртуальные деньги или виртуальную валюту.

Но вместе с тем статус цифровой валюты, как объекта гражданских прав, по-прежнему не закреплён, однако для целей закона о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, законов о банкротстве, об исполнительном производстве и о противодействии коррупции цифровая валюта признаётся имуществом (ст. 17, 19, 21 и 22 Закона о ЦФА) [28].

В контексте защиты прав потребителей ещё одна проблема состоит в том, что обычные граждане-потребители, которые заключают с кем-либо договор купли-продажи того или иного оборудования, например, для майнинга криптовалюты в будущем, по мнению судов, не могут защищать свои права в соответствии с нормами Закона РФ «О защите прав потребителей».

Майнинг, как следует из решений судов,¹³ означает деятельность по созданию новых структур для обеспечения функциональных криптовалютных платформ, т.е. деятельность для т.н. добычи криптовалюты.

Позиция судов сводится к тому, что приобретение оборудования для майнинга криптовалюты предполагает цель извлечения дохода, что не может быть признано в качестве деятельности, направленной на удовлетворение личных, семейных и домашних нужд, в связи с чем, по мнению судов, Закон РФ «О защите прав потребителей» к таким правоотношениям и не применяется¹⁴.

Отмечается также, что к рассматриваемым правоотношениям применимы не нормы Закона РФ «О защите прав потребителей», а нормы ГК РФ, в том числе, нормы ч. 1 ст. 475 ГК РФ, согласно которой в случае обнаружения недостатков товара покупатель вправе требовать соразмерного уменьшения покупной цены либо безвозмездного устранения недостатков или возмещения понесённых расходов на устранение недостатков своими силами, в то время как согласно ч. 1 ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей» в случае обнаружения недостатков товара покупатель вправе, в том числе, отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной цены за товар.

В качестве примеров можно указать следующие дела.

¹² См.: Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 28.06.2016 № 06АП-2802/2016 по делу № А73-6112/2015 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 29.12.2018 № 08АП-14834/2018 по делу № А70-7488/2018 // СПС «Консультант Плюс».

¹³ См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 28.11.2018 по делу № 33-51690/2018 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁴ См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 24.09.2020 по делу № 33-37153/2020 // СПС «Консультант Плюс».

В первом гражданин (истец) заключил с обществом (ответчик) договор поставки компьютерного оборудования и перечислили в адрес ответчика аванс в согласованном размере. Поскольку товар не был передан истцу со стороны ответчика, истец обратился в суд с иском о возврате уплаченного аванса, а также неустойки, исчисляемой согласно нормам, предусмотренным Законом РФ «О защите прав потребителей».

Судом первой инстанции заявленные требования были удовлетворены¹⁵.

Московский городской суд, рассматривая данное дело в качестве суда апелляционной инстанции, решение суда первой инстанции отменил, указав, что заявленный иск не основан на законе, приобретение оборудования, которое являлось предметом заключённого договора, осуществлялось с целью майнинга криптовалюты, в связи с чем к рассматриваемым отношениям нормы Закона РФ «О защите прав потребителей» не подлежат применению¹⁶.

В другом деле гражданин, обратился с иском в суд о возврате денежных средств в рамках Закона РФ «О защите прав потребителей», уплаченных по договору купли-продажи нескольких видеокарт, в силу обнаруженных недостатков товара.

Судом также было указано, что нормы Закона РФ «О защите прав потребителей» к рассматриваемым отношениям применению не подлежат, поскольку было установлено, что видеокарты были приобретены гражданином в целях майнинга, в связи с чем истец вправе требовать соразмерного уменьшения покупной цены товара либо безвозмездного устранения недостатков товара или возмещения понесённых расходов на их устранение в рамках ч. 1 ст. 475 ГК РФ¹⁷.

По нашему мнению, подход, согласно которому Закон РФ «О защите прав потребителей» не подлежит применению в случае, если лицо приобретает оборудование для майнинга криптовалюты, в корне несправедлив.

Поскольку, думается, что то или иное оборудование не всегда приобретается для целей предпринимательской деятельности.

Например, гражданин может приобрести оборудование не для себя, а в качестве подарка другому лицу, который возможно и будет в дальнейшем осуществлять предпринимательскую деятельность в виде майнинга криптовалюты. Однако соответствующие правоотношения возникли именно между гражданином-покупателем и продавцом.

Кроме того, в момент приобретения того или иного оборудования ещё невозможно с достоверной точностью определить, будет ли данное оборудование использоваться для предпринимательской деятельности. Более того, гражданин, приобретая товар как физическое лицо, на момент покупки может ещё и не обладать статусом индивидуального предпринимателя. Таким образом, на соответствующие правоотношения должны распространяться нормы Закона РФ «О защите прав потребителей».

¹⁵ Решение Перовского районного суда города Москвы от 25.04.2018 г. // СПС «Консультант Плюс».

¹⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 28.11.2018 по тому же делу // СПС «Консультант Плюс».

¹⁷ Кассационное определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2021 по делу № 88-29863/2020 // СПС «Консультант Плюс».

Также любой товар, который приобретает физическое лицо, он может в дальнейшем использовать исключительно для целей получения прибыли – например, автомобиль, компьютер, швейная машинка и т.д. Однако нет установленного правила, согласно которому интересы лиц, приобретающих указанные товары, могут защищаться нормами Закона РФ «О защите прав потребителей» только лишь в том случае, если на момент приобретения товара у них была цель осуществления предпринимательской деятельности посредством использования данного товара.

Все это, по нашему мнению, говорит о том, что применительно к правоотношениям в контексте приобретения того или иного товара, в том числе, для майнинга криптовалюты в дальнейшем, в том случае, если покупатель на момент покупки не обладал статусом индивидуального предпринимателя, подлежат применению нормы Закона РФ «О защите прав потребителей».

Помимо перечисленных категорий споров, следует обратить внимание на еще один вид споров с участием граждан, не являющихся потребителями по смыслу норм Закона РФ «О защите прав потребителей», – те, которые вытекают из договоров, предметом которых выступает криптовалюта, и которые связаны с включением требований в реестр требований кредиторов должников – физических лиц, признанных банкротом.

В рассматриваемой категории споров права граждан, которые рассчитывают на включение в реестр требований кредиторов, также не являются в полной мере защищенными, поскольку суды при рассмотрении дел приходят к выводу о недоказанности факта наличия договорных отношений между истцом и ответчиком.

В качестве примера можно указать следующее дело.

Суд рассматривал заявление гражданина о включении его требований в реестр требований кредиторов другого гражданина, который был признан банкротом.

В качестве обоснования заявителем было указано на то, что между ним и ответчиком был заключен инвестиционный договор, по условиям которого заявитель передал ответчику инвестицию – криптовалюту.

По условиям договора ответчик был обязан вернуть заявителю инвестицию в установленный договором срок, а также выплатить доход в размере, предусмотренном договором. Однако своих обязанностей по договору ответчик не выполнил.

В удовлетворении требований заявителя судами было отказано.

В качестве обоснования было указано на то, что заявителем не был доказан факт наличия взаимных обязательств между ним и ответчиком.

В частности, судами было указано на то, что официальной денежной единицей РФ является рубль. Криптовалюта, которая выступила предметом заключенного договора, представляет из себя денежный суррогат, в связи с чем рассматриваемая сделка не порождает никаких денежных обязательств на стороне ответчика.

В связи с тем, что заявитель не доказал наличия у должника перед ним неисполненных обязательств, в том числе обязательств по возврату криптовалюты и выплате инвестиционного дохода, вытекающих из заключенного инвестиционного договора, требование о включении в реестр требований кредиторов должника следует квалифицировать в качестве необоснованного.

Верховным Судом РФ указанные выводы были поддержаны, в передаче дела о пересмотре Верховным судом судебных актов нижестоящих судов в кассационном порядке было отказано¹⁸.

Данный подход нам представляется также несправедливым и не соответствующим действующему законодательству. Поскольку согласно положениям Закона о ЦФА цифровая валюта (криптовалюта) может рассматриваться, в том числе, в качестве инвестиции. Кроме того, как мы выяснили при помощи других вышеуказанных примеров, что криптовалюта относится к разновидности имущества по смыслу норм ГК РФ.

6.2. Аспекты защиты прав потребителей, связанные с использованием цифрового рубля

Применительно к защите прав потребителей при заключении и исполнении смарт-контрактов на базе платформы цифрового рубля считаем необходимым остановиться на следующих аспектах.

Во-первых, должна быть обеспечена надежная защита прав потребителей, в том числе в вопросах:

- наличия возможности включения информации об оплате цифровым рублем в документы, которые подтверждают покупку товара (оказания услуги);
- установления порядка возврата денежных средств в виде цифрового рубля в случае, если произошли отмена операции и (или) возврат товара;
- возможности направления обращений и (или) жалоб в контролирующие органы через интерфейс, который должен быть изложен на доступном языке;
- внедрения возможности восстановления доступа в случае, если доступ к устройству и соответствующим приложениям пользователем будет утрачен;

Во-вторых, необходимо, чтобы система использования цифрового рубля была обеспечена многоуровневой надежной защитой в отношении тех или иных мошеннических действий. Поскольку мы полагаем, что одновременно с введением в оборот цифрового рубля возрастет и число мошеннических действий применительно к его использованию.

В рассматриваемом контексте в уже упомянутом Докладе Банка России «Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций» прямо говорится о том, что для внедрения платформы цифрового рубля потребуется в том числе, разработка новых технологий и систем безопасности применительно к каждому пользователю и системе в целом.

Выводы

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Понятие смарт-контракт следует рассматривать в двух аспектах.

С одной стороны, смарт-контракт может представлять из себя договор в классическом понимании – в ситуации, когда он заменяет собой обычный договор, т.е. в том случае, если его заключение и исполнение происходят посредством определенных информационных технологий.

С другой стороны, смарт-контракт возможно рассматривать и как программный код – в том случае, когда указанный программный код используется для ис-

¹⁸ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.11.2020 N Ф04-4074/2020 по делу N А45-28956/2019 // СПС «Консультант Плюс»; Определение Верховного Суда РФ от 15.01.2021 N 304-ЭС20-21193 по делу N А45-28956/2019 // СПС «Консультант Плюс».

полнения в автоматическом режиме обычного договора.

Из этого следует, что один и тот же термин – «смарт-контракт» одновременно может быть применим к двум различным категориям (обычный договор в классическом виде и программный код для автоматизированного исполнения обычного договора).

В связи с этим, во избежание смешения понятий мы считаем, что в ситуации, при которой смарт-контракт представляет из себя разновидность договора, необходимо использовать термин «смарт-контракт».

Если же смарт-контракт представляет из себя программный код для исполнения договора, заключенного по классической схеме, то следует употреблять термин «компьютерный код для автоматизированного исполнения договора посредством технологии «блокчейн».

2. Произведенное исследование позволяет говорить о широкой сфере применения смарт-контрактов, в частности, в сфере интеллектуальной собственности.

При этом мы выяснили, что на практике возможно сконструировать смарт-контракт как полностью посредством программного кода, так и таким образом, чтобы смарт-контракт дублировал условия обычного договора.

В процессе анализа мы выяснили также, что возможна и комбинированная модель, при которой часть условий обычного договора закреплена в виде программного кода.

3. На практике при рассмотрении соответствующей категории дел основная проблема состоит в том, что разногласия возникают применительно к рассмотрению вопроса о правовой природе криптовалюты, которая может быть как предметом смарт-контракта (выступая при этом как цифровой финансовый актив), так и средством платежа по договору (выступая при этом как разновидность цифровой валюты).

Существует позиция судов, согласно которой криптовалюта представляет из себя денежный суррогат, а контракты, которые заключают стороны для осуществления с ней тех или иных операций с криптовалютой (например, инвестиционный контракт, по условиям которого одна сторона передает другой стороне криптовалюту в качестве инвестиции) не порождают каких-либо взаимных обязательств сторон. В этой связи, по мнению судов, те или иные требования сторон из заключенного контракта следует расценивать как необоснованные.

Однако установлено, что данная позиция фигурирует в актах судов до вступления в силу ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В частности, указанным законом введены такие понятия как «Цифровая валюта» и «Цифровой финансовый актив».

Цифровая валюта согласно положения названного закона, представляя из себя совокупность электронных данных, может выступать в том числе, в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, а также в качестве инвестиций. Безусловно, закрепление на законодательном уровне указанных понятий видится как существенный плюс.

Недостатком, по нашему мнению, выступает то, что на практике употребление термина «криптовалюта» является уже устоявшимся. В этой связи, по нашему мнению, маловероятно, что термин «цифровая валюта» вытеснит уже привычный термин «криптовалюта».

Поэтому мы считаем, что в законодательство должен быть закреплен термин «криптовалюта» - либо в виде самостоятельного определения, либо в качестве разъяснений применительно к тому, что понятие «цифровая валюта» включает в себя понятие «криптовалюта».

4. Выявлено, что другая проблема возникает при рассмотрении споров по защите прав граждан-потребителей, которые приобретают тот или иной товар (например, оборудование), предназначенный, в том числе, для майнинга криптовалюты.

Позиция судов применительно к данному вопросу также не является единой.

Преобладающее мнение сводится к тому, что к рассматриваемым правоотношениям Закон РФ «О защите прав потребителей» применению не подлежит. В качестве обоснования суды указывают на то, что майнинг криптовалюты предполагает извлечение прибыли, т.е. представляет из себя предпринимательскую деятельность, что в свою очередь, не связано с ситуацией, когда товар приобретается для личных, семейных или бытовых нужд, как это требуется по Закону РФ «О защите прав потребителей».

Данный подход представляется необоснованным, поскольку на момент приобретения товара то или иное лицо может еще и не быть в статусе индивидуального предпринимателя. Кроме того, тот или иной товар может приобретаться и не для себя лично, а для другого лица, например, в качестве подарка.

5. В связи с вышеизложенным, по нашему мнению, для надлежащей защиты прав лиц, заключивших смарт-контракты, в том числе, потребителей, необходимо, чтобы законодательством, прежде всего, было предусмотрено легальное определение термина «смарт-контракт» в контексте его понимания в качестве разновидности договора.

6. С учетом произведенного анализа и сделанных выводов мы считаем, что легальное определение понятия «смарт-контракт» может выглядеть следующим образом: смарт-контракт – это разновидность гражданского-правового договора, заключенного в электронной форме, функционирующего на платформе блокчейн или платформе цифровой рубль, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется в режиме самоисполнения, после наступления определенных условий, которые указаны в таком договоре.

7. Закрепление на законодательном уровне легального определения понятия «смарт-контракт» будет, по нашему мнению, во-первых, способствовать формированию единой позиции судов применительно к рассмотрению споров соответствующей категории, а также надлежащей защите лиц, заключивших смарт-контракты, в том числе, граждан; во-вторых, позволит констатировать наличие соответствующих договорных отношений между сторонами при рассмотрении соответствующей категории дел, а также обоснованность их взаимных требований. Что, в свою очередь, позволит формироваться единой позиции применительно к разрешению вопросов, связанных с использованием и майнингом криптовалюты.

Список литературы:

1. Беликова К.М. Исследование теоретических вопросов внедрения сетевых договоров (смарт-контрактов) на примере России и зарубежных стран // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 5. С. 95–105. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-5-95-105
2. Нагородская В.Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / под ред. Л.А. Новоселовой. – М.: Проспект, 2019. // СПС «Консультант Плюс».
3. Ефимова Л.Г., Сиземова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. - 2019. - № 1. С. 23–30.
4. Рузакова О.А. Договоры в сфере интеллектуальной собственности и цифровые технологии // Патенты и лицензии. - 2019. - № 9. - С. 2-8.
5. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. - 2016. - № 3. - С. 32-60.
6. Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 118-147.
7. Концепция цифрового рубля» (подготовлена Банком России). URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-tsifrovogo-rublja-podgotovlena-bankom-rossii/> (дата обращения: 22.07.2021), а также в СПС «Консультант Плюс».
8. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций (Москва, октябрь 2020 г.) (утв. Банком России). URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (дата обращения: 22.07.2021), а также в СПС «Консультант Плюс».
9. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. - 2017. - № 5. – С. 94-117.
10. Волос А.А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. - 2018. - № 12. - С. 5-7.
11. Бelykh В.С., Болобанова М.О. Проблемы правового регулирования смарт-контрактов в России // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / А.В. Белицкая, В.С. Бelykh, О.А. Беляева и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. - М.: Юстицинформ, 2019. – 376 с. // СПС «Консультант Плюс».
12. Smart-Contract: is the Law ready? / Chamber of Digital Commerce. September 2018. URL: <https://digitalchamber.s3.amazonaws.com/Smart-Contracts-Whitepaper-WEB.pdf> (дата обраш.: 07.07.2021 г.).
13. Засемкова О.Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // Lex russica. - 2020.- № 4. - С. 9.
14. Чирков А.В. Регулирование рисков потребителя при заключении и исполнении смарт-контракта // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - № 11. - С. 180-189.
15. Новоселова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. - 2017. - № 12. - С. 29-44.
16. Ефимова Л.Г., Сиземова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. - 2019. - № 1. - С. 23-30.
17. Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б. Криптовалюта как имущество - анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия РФ. - 2018. - № 9. - С. 91-135.

References:

1. Belikova K.M. Research of theoretical issues of implementation of network contracts (smart contracts) on the example of Russia and foreign countries // Socio-political sciences. 2020. Vol. 10. No. 5. P. 95-105. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-5-95-105, etc.
2. Nagrodskaia V.B. New technologies (blockchain / artificial intelligence) in the service of law: a scientific and methodological guide / ed. L.A. Novoselova. - M.: Prospect, 2019. // LRS "Consultant Plus".
3. Efimova L.G., Sizemova O.B. The legal nature of a smart contract // Banking law. - 2019. - No. 1. P. 23-30.
4. Ruzakova O. A. Contracts in the field of intellectual property and digital technologies // Patents and licenses. - 2019. - No. 9. - p. 2-8.
5. Savelyev A.I. Contract law 2.0: "smart" contracts as the beginning of the end of classical contract law // Bulletin of Civil Law. - 2016. - No. 3. - P. 32-60.
6. Truntsevskiy Yu.V., Sevalnev V.V. Smart contract: from definition to certainty. // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 1. pp. 118-147.
7. "The concept of the digital ruble" (prepared by the Bank of Russia). URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-tsifrovogo-rublja-podgotovlena-bankom-rossii/> (accessed: 22.07.2021), as well as in the LRS "Consultant Plus".
8. Digital ruble. Report for public Consultations (Moscow, October 2020) (approved by the Bank of Russia). URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (date of application: 22.07.2021), as well as in the LRS "Consultant Plus".
9. Savelyev A.I. Some legal aspects of the use of smart contracts and blockchain technologies in Russian law // Law. - 2017. - No. 5. - P. 94-117.
10. Volos A.A. Smart contracts and principles of civil law // The Russian tradition. 2018. N 12. P. 5-7.
11. Belykh V.S., Bolobanova M.O. Problems of legal regulation of smart contracts in Russia // Legal regulation of economic relations in the modern conditions of digital economy development: monograph / A.V. Belitskaya, V. S. Belykh, O. A. Belyaeva et al.; ed. by V. A. Vaypan, M.A. Egorova. - M.: Yusti-tsinform, 2019. - 376 p. // LRS "Consultant Plus".
12. Smart-Contract: is the Law ready? / Chamber of Digital Commerce. September 2018. URL: <https://digitalchamber.s3.amazonaws.com/Smart-Contracts-Whitepaper-WEB.pdf> (accessed: 07.07.2021).
13. Zasemkov O.F. About ways to resolve disputes arising from smart contracts // Lex russica. - 2020. - No. 4. - P. 9.
14. Chirkov A.V. Regulation of consumer risks during the conclusion and execution of a smart contract // Actual problems of Russian law. - 2020. - No. 11. - P. 180-189.
15. Novoselova L.A. "Tokenization" of objects of civil law // Economy and law. - 2017. - No. 12. - P. 29-44.
16. Efimova L.G., Sizemova O.B. The legal nature of a smart contract // Banking law. - 2019. - No. 1. P. 23-30.
17. Tolkachev A.Yu. Zhuzhzhlov M.B. Cryptocurrency as property - analysis of the current legal status // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. - 2018. - No. 9. - P. 91-135.

18. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. - М.: Изд-во «4 Принт», 2020. - 304 с.
19. Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2020. - № 4. - С. 78-105.
20. Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный). - Специально для системы ГАРАНТ, 2019 г. URL: <https://base.garant.ru/77-105476412/> (дата обращения: 23.07.2021).
21. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. 1-е изд. - СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторск. ред. 2014 г. URL: www.gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обрац. 22.07.2021 г.).
22. Исследование, проводимое специалистами платформы IP Chain: https://ipchain.ru/docs/legal_research/ru/issledovanie_smart-kontrakt.pdf (дата обр.: 08.07.2021 г.).
23. Зубков И. Кто использует умные контракты и чем они лучше традиционных. 02.05.2020. URL: <https://rg.ru/2020/05/02/kto-ispolzuet-umnye-kontrakty-i-chem-oni-luchshe-tradicionnyh.html> (дата обрац.: 08.07.2021 г.).
24. Ермакова И.В. Влияние сетевизации экономики на изменение положений конкурентного права (на примере блокчейн и смарт-контрактов в области рекламы и права интеллектуальной собственности) // Юридические исследования. - 2020. - № 9. - С. 14-32. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.9.34183. URL: https://enotabene.ru/lr/article_34183.html (дата обращения: 29.10.2020)
25. Чернышова Е. ЦБ определился с форматом ввода цифрового рубля как новой формы денег. Чтобы платить ими без Интернета, клиентам банков придется завести два кошелька. 08 апр 2021. URL: <https://www.rbc.ru/finances/08/04/2021/606dd6c49a7947c8d84009ed> (дата обрац. 14.07.2021).
26. Урошлева А. Объекты на цифровых носителях, цифровые права и деньги: тенденции правовой теории и практики. 25 сентября 2018. URL: <https://www.garant.ru/article/1220358/> (дата обращения: 28.05.2021).
27. Беликова К.М. Теоретические и практические аспекты правовой квалификации виртуальной собственности в России и за рубежом // Юридические исследования. - 2021. - № 7. - С. 1-28. DOI: 10.25136/2409-7136.2021.7.35869 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35869 (дата обращения: 20.06.2021).
28. Бардина П. Закон «О цифровых финансовых активах» принят Госдумой. 27.07.2020. URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/alerts/law-on-digital-of-financial-assets-adopted-by-the-state-duma/> (дата обращения: 29.05.2021).
29. Беликова К.М., Ахмадова М.А. Развитие инноваций в странах БРИКС: опыт Китая. // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. - 2012. - № 10. - С. 64-72.
30. Frolova, E., Belikova, K., Badaeva, N., Belozeroва, I., & Ulianischev, V. (2017). The Concept of Real Right in India and South Africa: Specifics of National Regulation and Trends of Harmonization of Law. Journal of Advanced Research in Law and Economics, 8(3), 799-812. [https://doi.org/10.14505/jarle.v8.3\(25\).13](https://doi.org/10.14505/jarle.v8.3(25).13)
18. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Digital assets: legal analysis: monography. - Moscow: Publishing house "4 Print", 2020. - 304 p.
19. Efimova L.G., Mikheeva I.E., Chub D.V. Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulation of smart contracts in Russia and foreign countries // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. - 2020. - No. 4. - P. 78-105.
20. Grishaev S.P., Bogacheva T.V., Svit Yu. P. Article-by-article commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part one (article by article). - Specially for the GARANT system, 2019. URL: <https://base.garant.ru/77476412/> (accessed: 23.07.2021).
21. The big explanatory dictionary of the Russian language / ch. ed. - S.A. Kuznetsov. 1st ed. - St. Petersburg: Norint, 1998. Published in the author's ed. 2014. URL: www.gramota.ru/slovari/info/bts/ (accessed: 22.07.2021).
22. Research conducted by specialists of the IP Chain platform: https://ipchain.ru/docs/legal_research/ru/issledovanie_smart-kontrakt.pdf (accessed: 08.07.2021).
23. Zubkov I. Who uses smart contracts and what makes them better than traditional ones. 02.05.2020. URL: <https://rg.ru/2020/05/02/kto-ispolzuet-umnye-kontrakty-i-chem-oni-luchshe-tradicionnyh.html> (accd: 08.07.2021).
24. Ermakova I.V. The impact of the networking of the economy on changing the provisions of competition law (on the example of blockchain and smart contracts in the field of advertising and intellectual property law) // Legal Researches. - 2020. - No. 9. - pp. 14-32. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.9.34183. URL: https://enotabene.ru/lr/article_34183.html (accessed: 29.10.2020)
25. Chernyshova E. The Central Bank has decided on the format of entering the digital ruble as a new form of money. To pay with them without the Internet bank customers will have to have two wallets. 08 Apr 2021. URL: <https://www.rbc.ru/finances/08/04/2021/606dd6c49a7947c8d84009ed> (accessed. 14.07.2021).
26. Uroshleva A. Objects on digital media, digital rights and money: trends in legal theory and practice. September 25, 2018. URL: <https://www.garant.ru/article/1220358/> (accessed: 28.05.2021).
27. Belikova K.M. Theoretical and practical aspects of the legal qualification of virtual property in Russia and abroad // Legal researches. - 2021. - No. 7. - P. 1-28. DOI: 10.25136/2409-7136.2021.7.35869 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35869 (accd: 20.06.21).
28. Bardina P. The law "On Digital Financial Assets" was adopted by the State Duma. 27.07.2020. URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/alerts/law-on-digital-of-financial-assets-adopted-by-the-state-duma/> (accessed: 29.05.2021).
29. Belikova K. M., Akhmadova M. A. Development of innovations in the BRICS countries: the experience of China. // Intellectual property. Industrial property. - 2012. - № 10. - P. 64-72.
30. Frolova, E., Belikova, K., Badaeva, N., Belozeroва, I., & Ulianischev, V. (2017). The Concept of Real Right in India and South Africa: Specifics of National Regulation and Trends of Harmonization of Law. Journal of Advanced Research in Law and Economics, 8(3), 799-812. [https://doi.org/10.14505/jarle.v8.3\(25\).1](https://doi.org/10.14505/jarle.v8.3(25).1)

Рецензия

на статью Ермаковой И.В. «Смарт-контракт: понятие, правовое регулирование, аспекты защиты прав потребителей»

В статье анализируются актуальные вопросы, относящиеся к смарт-контрактам: определение, сущность и правовая природа, алгоритм его заключения, сфера применения, подходы правоприменительной практики к возможности защиты прав лиц, заключивших смарт-контракты, в том числе потребителей.

Для анализа автором выбраны соответствующие нормативные и доктринальные положения (напр., работы Савельева А.И., Белых В.С., Ефимова Л.Г. и др.), судебная практика.

Актуальность выбранной темы обусловлена, с одной стороны, бурным развитием сетевой экономики и появлением в этой связи инновационных технологий, в том числе, блокчейн-платформ и функционирующих на их основе смарт-контрактов, использование которых позволяет совершить сделки без посредничества третьих лиц, а также гарантирует высокую степень защиты данных, автоматизацию исполнения договора, упрощение и ускорение в целом процедуры исполнения взаимных обязательств сторон.

С другой стороны, многие вопросы, например, легальное определение и правовая регламентация смарт-контракта и тесно связанных с ним категорий, таких как криптовалюта и майнинг, до настоящего времени на законодательном уровне не урегулированы. Такое несовершенство регулирования отношений в рассматриваемой сфере порождает на практике множество сложных вопросов, касающихся защиты прав граждан, включая потребителей и нуждается в исследовании.

Один из наиболее значимых результатов исследования состоит в анализе современных подходов к определению понятия «смарт-контракт» и его правовой природы, который позволил автору сформулировать собственное оригинальное определение понятия «смарт-контракт» в контексте его рассмотрения в качестве разновидности договора.

Заслуживает внимания вывод автора о том, что термин «смарт-контракт» следует применять только в том случае, если речь идет о договоре, который оформлен в виде программного кода. В том случае, когда смарт-контракт является лишь программным кодом для автоматизированного исполнения договора, во избежание смешения понятий необходимо, по мнению автора, использовать другой соответствующий термин – например, «компьютерный код» или «программный код».

Отдельного внимания заслуживает анализ автором актуальной судебной практики по рассмотрению соответствующей категории дел с участием граждан, в том числе потребителей. В частности, были проанализированы дела по спорам, вытекающих из договоров, предметом которых выступила криптовалюта, рассмотрены дела о заключении договоров купли-продажи оборудования, которое могло предназначаться (лось) для майнинга криптовалюты. По результатам проведенного анализа установлено, что предметом смарт-контракта в качестве инвестиции может быть криптовалюта («цифровая валюта» - по терминологии анализируемого автором Закона «О цифровых финансовых активах»). В этом формате в связи с тем, что понятие «криптовалюта» является уже устоявшимся, автором предлагается закрепить на законодательном уровне отдельное его определение либо соответствующие уточнения – о том, что термин «цифровая валюта» включает в себя также и понятие «криптовалюта».

Наконец, значимость исследования заключается в том, что автор с учетом анализа судебной практики подробно аргументирует точку зрения о том, что права и интересы граждан, которые приобрели то или иное оборудование и которое может быть использовано в том числе, и для майнинга криптовалюты, должны быть защищены нормами Закона РФ «О защите прав потребителей».

Изложенное позволяет заключить, что рассматриваемая статья соответствует уровню научных работ такого рода, тематике журнала, посвящена актуальным экономико-правовым проблемам в сфере бизнеса, и может быть опубликована в представленном виде.

Беликова К.М., д.ю.н., профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института Российского университета дружбы народов

Статья прошла проверку системой «Антиплагиат»; оригинальность текста – 92,16%

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермакова Ирина Викторовна, канд. юрид. наук, PhD, LL.M, юрист отдела корпоративного права ООО «Редль и партнеры», AuthorID: 1070200, ORCID - 0000-0003-4723-1570. E-mail: irina-ermakova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ermakova Irina Viktorovna, Cand.Sci.(Law), PhD, LL.M., Lawyer of the Corporate Law Department, LLC "Roedl & Partner", AuthorID: 1070200, ORCID - 0000-0003-4723-1570. E-mail: irina-ermakova@yandex.ru